

ЧУЖОЙ РИНГ

А.М. Сунгурский

А.М. Сунгурский

Чужой ринг

<https://litres.ru/74638144>

SelfPub; 2026

Аннотация

Андрей Сивцов умеет боксировать, но всё чаще зарабатывает на чужих сборах. В тридцать пять ему предлагают титульный бой. Условие одно: выигранный пояс однажды придётся уступить назначенному сопернику.

Первую победу Андрей добывает честно. Появляются деньги, его имя над входом в зал, возможность вложиться в мастерскую жены. Чем лучше становится жизнь, тем больше людей заденет его отказ.

Молодой соперник хочет настоящего боя и верит слову чемпиона. Отказаться от сделки ещё можно. Гораздо труднее объяснить близким, на каких условиях Андрей принял всё то, чему они радовались вместе.

Содержание

Глава 1. Почасовая работа	4
Глава 2. Место в афише	18
Глава 3. Ещё не деньги	32
Глава 4. До последнего гонга	43
Глава 5. Чужие ожидания	54
Глава 6. Своими руками	63
Конец ознакомительного фрагмента.	82

А.М. Сунгурский

Чужой ринг

Глава 1. Почасовая работа

За пятую минуту опоздания Артур извинился, за двадцатую уже нет. Он вошёл в зал с бумажным стаканчиком, прижал плечом телефон к уху и ещё у двери показал Андрею свободной рукой: сейчас, брат, секунду. Андрей поднял большой палец. В перчатке этот жест не получился, вышла просто красная лапа.

Перчатки он надел слишком рано. Внизу под бинтами уже мокло, а снимать и надевать снова не хотелось. Он присел на край ринга, поставив ноги на ступеньку, и наблюдал, как Артур допивает кофе. Тот был на восемь лет моложе, на голову известнее и всего на два сантиметра выше. Андрей знал разницу точно: на прошлой неделе их мерили для короткого ролика, в котором мальчик из зрителей должен был догадаться, кто здесь чемпион. Чемпионом Артур ещё не был. Мальчик угадал всё равно.

— Давай начнём, — сказал тренер Артура, невысокий человек с ровно подстриженной бородой. — Пока он разговаривает,двигаемся.

Андрей уже размялся. Ещё раз пошевелил плечами, про-

шёл по рингу, чувствуя тёплую сырость в ботинках. За открытым окном капала вода. На улице, в конце апреля, снег ещё лежал в тени, но под окнами этого екатеринбургского зала его уже вытоптали до грязной земли. Андрей приехал на четыре дня. Два рабочих утра прошли хорошо; третье началось так, будто его купили вместе со временем ожидания.

Он напомнил себе, что так и было.

— Сегодня левую держи подольше, — сказал тренер. — Нам вход нужен через неё. Не проваливай, просто показывай.

— Через первый или второй?

— Как вчера.

Вчера Андрей сначала давал один передний прямой, потом добавлял второй, чтобы Артур перестал нырять на память. После второго Артур пару раз пропустил встречный справа. Его тренеру это не понравилось, и они закончили раунд раньше. Теперь из слова «вчера» следовало выбрать правильную половину.

— Через первый, — решил за них Андрей.

Тренер ничего не ответил. Он проверял таймер.

Артур наконец отдал телефон сидевшему у стены парню и забрал у него шлем. Парень был с камерой; на тренировках Андрей видел его чаще, чем врача. Сейчас камера лежала на коленях объективом вниз, и Андрей подумал, что это хороший знак.

— Что, погоняем старика? — спросил Артур.

— Старик вчера вам кран в раздевалке починил. Старика беречь надо.

— Так ты сантехник ещё?

— Нет. Просто кран закрывается в другую сторону.

Артур засмеялся, шагнул между канатами и ткнулся перчатками в Андреевы перчатки. У него был хороший смех — громкий, без оглядки, как у человека, которому пока мало за что приходилось извиняться. Андрей любил с ним работать, когда работа начиналась. Сложнее было всё до и после.

В первом раунде Артур входил быстро, но слишком ровно. Андрей давал переднюю руку, позволял убрать её в сторону и принимал короткое продолжение на локти. За это ему платили. Не за изображение мешка — мешок стоил дешево, — а за достаточно живую помеху, через которую другой человек научится проходить. Нужно было оставаться собой в меру. Умение, накопленное за двадцать лет, сдавалось в пользование на три минуты, с минутным перерывом.

Он ещё раз показал левую. Артур пошёл головой к тому же плечу, и Андрей едва удержал правую. Оставил её возле щеки, только подставив предплечье. Удар пришёл в защиту, рядом со скулой; дыхание Артура коснулось шлема.

— Не замирай! — крикнул тренер. — Сивцов, выход дай!

Андрей сделал шаг в сторону, освобождая расстояние. Артур догнал его двумя ударами по корпусу. Один попал выше локтя, неприятно, но чисто.

В перерыве Андрей подошёл к чужому углу. Его собствен-

ный тренер остался в Челябинске: на эту поездку оплачивали одного человека, не команду. Бутылка стояла на полу снаружи ринга. Андрей попросил подать её парня с камерой, и тот сначала посмотрел на тренера, словно вода тоже входила в съёмочный план.

— Спасибо, — сказал Андрей, когда бутылка оказалась у него.

Артур сидел напротив и слушал, наклонив голову. Вспотевшие волосы прилипли к ремням шлема. Если забыть про кофе и телефон, он был таким же человеком, который пытается не пропускать справа и всё равно пропускает. Андрей сделал несколько глотков, вернул бутылку, опёрся спиной о подушку. Ему тоже предстоял бой. Через четыре недели — шесть раундов в этом же городе, только в большом зале, под другим светом. Собственный гонорар, собственная фамилия в афише, пусть и внизу. Можно будет наконец бить то, что видишь.

Во втором раунде Артур стал начинать раньше. Не дожидаясь левой, а шёл вместе с ней, и Андрей оценил это с невольным удовольствием. Первый раз пришлось уступить; на второй он успел убрать голову и встретить коротким справа в перчатки. Не сильно. Просто объяснить, что там что-то есть.

— Не надо встречать! — сказал тренер.

Андрей отступил.

— Работаем вход, — добавил тот.

Артур ничего не сказал. Он смотрел прямо, с приоткрытым ртом, и переступал носками по настилу. Андрей знал это выражение: человек уже не слышит существительных, слышит только, кому разрешили и кому запретили.

На следующем сближении Артур ударил жёстче. Андрей принял левый на плечо, пропустил в корпус и опять удержал правую. Удержать оказалось неприятнее, чем получить. Он видел свободное место и сам его закрывал — изнутри.

Так они отработали ещё минуту. Потом Артур повторил то же движение в третий раз подряд, слишком уверенно занеся переднюю ногу. Андрей показал левую, убрал её и коротко встретил справа. Не собирался доказывать ничего особенного. Рука прошла раньше, чем он успел решить, что сегодня это не входит в работу.

Артур сел.

Не тяжело упал, не распластался, как в роликах. Оказался на одной перчатке и колене, удивлённый тем, что пол приблизился без его участия. Андрей сразу остановился и отошёл. Тренер нажал таймер, парень у стены поднялся вместе с камерой.

— Убери, — сказал Андрей.

Тот посмотрел на него.

— Камеру убери.

Артур уже вставал. Тренер подхватил его за предплечье, развернул к себе, задал вопрос. Андрей не расслышал ответ. Он стоял у дальнего угла с опущенными руками, понимая,

что испортил всем утро, кроме человека, который снимал.

Дальше спарринг не продолжили. Тренер увёл Артура из ринга, велел сесть, позвал из коридора кого-то по имени. Пришедший мужчина с медицинской сумкой попросил остальных отойти. Артур попытался спорить, потом замолчал. Андрей остался ждать возле скамейки, пока его не попросили освободить проход.

В раздевалке он долго распускал бинт с правой руки. Край затянулся у большого пальца, и вытащить его с первого раза не получилось. Он поддел ткань ногтем, дёрнул сильнее, чем следовало. На костяшке обнаружилась старая ссадина, опять открывшаяся под влажным бинтом.

Тренер Артура вошёл без стука.

— Ты зачем?

— Не хотел так.

— Я тебе задачу дал.

— Он всё время в одно место шёл.

— И что?

Андрей посмотрел на него. Вопрос был совершенно справедливым, если считать деньги за утро. И совершенно бессмысленным, если считать, сколько раз Артур мог пойти туда в своём настоящем бою.

— Как он?

— Разбираются.

— Я подожду.

— Не надо. Завтра отменяем.

Тренер показал ему экран своего телефона с подготовленным переводом. За три дня вместо четырёх. Они договаривались на четыре, и Андрей хотел сказать это сразу, пока человек стоял рядом. Но сперва ему нужно было узнать, что с Артуром; потом объяснить, что он не вкладывался; потом доказать, что показанное движение однажды пригодится. Пока он выбирал порядок, тренер нажал кнопку.

— Дорога, как говорили, отдельно. Билет пришлѐшь.

Он вышел. Андрей достал свой телефон и положил на скамейку, ещё до уведомления. Сумма пришла через несколько секунд.

* * *

На вокзале Андрей купил пирожок, который оказался горячим только по краям. Середина пахла холодной капустой. Он съел его всё равно, стоя возле высокого столика, и написал Палычу: «Завтра уже дома. Отменили последний».

Тренер перезвонил сразу.

— Чего отменили?

— Попал.

— Куда?

— Справа. Он вставал с колена, потом всё, закончили.

Врач смотрел.

— Ты сильно?

— Палыч, ну что такое сильно.

Тот помолчал. Андрей услышал из телефона удары скалки по полу и мальчишеский голос: «Павел Степанович, а эту можно?» Палыч ответил мальчишке, не убирая телефона от уха: «Если она твоя, можно». Потом опять заговорил с Андреем.

— Ему не звонил?

— Написал. Не отвечает.

— Ответит — скажешь. Сам-то целый?

— Да.

— Тогда завтра в одиннадцать. На тяжёлое не полезем.

— Я ж с дороги.

— А в двенадцать ты уже не с дороги?

Андрей улыбнулся и отодвинул пустую бумагу от пирожка. Мимо столика протиснулась женщина с двумя чемоданами; один зацепил его ботинок, женщина извинилась перед чемоданом, потом перед Андреем. Он помог ей развернуть ручку и снова поднёс телефон к уху.

— Палыч, мне ещё за четвёртый день не заплатили.

— Так попроси.

— Понятно.

— Чего понятно? Договорились — попроси.

Говорить тренеру о деньгах было бесполезно. Впрочем, не потому, что он считал их грязными. Палыч умел просить себе за урок, за угол, за поездку; иногда назначал цену так спокойно, что Андрей ему завидовал. Самому Андрею каждый раз казалось, что, назвав сумму вторично, он испортит

впечатление от первой встречи.

Он написал тренеру Артуру: «Четвёртый день был подтверждён. Я его оставил под вас». Посмотрел на сообщение, убрал «под вас», вернул и отправил.

Ответ пришёл, когда он уже сидел в поезде: «Андрей, мы сегодня подготовку потеряли».

На это можно было ответить многое. Он положил телефон экраном вниз.

* * *

Вика открыла дверь с тонкой отвёрткой в руке.

— Только не наступи.

Андрей посмотрел под ноги. На старом полотенце лежали винты, светлая пластмассовая деталь и пружинка, похожая на обломок серёжки. Дальше, на кухне, стояла стиральная машина с открытой крышкой. Их собственная, хотя Вика не любила брать домашнюю работу после чужой.

— Она же работала.

— Работала и шумела. Я больше не могу жить с человеком, который считает это одним и тем же.

— Это ты про кого сейчас?

— Про обоих. Сумку в комнату, ботинки не сюда.

Он шагнул через полотенце, отнёс сумку, вернулся. Вика стояла на коленях перед машиной, придерживая снятую панель. Волосы она собрала высоко, и на открытом затылке

было видно маленькое светлое пятно, которое Андрей всегда замечал после долгой разлуки. Сейчас разлука длилась три дня. Он присел рядом и поцеловал её в шею.

— Руками придержи, — сказала она. — Любить потом будешь.

— Здесь?

— Вот здесь. Не на провод.

Он придержал панель, пока она доставала из кармана другой инструмент. От Вики пахло шампунем и горячей пылью. В мастерской она чинила всё, что можно было поднять вдвоём; дома говорила, что чинит только то, что можно выключить из розетки. С людьми у неё терпения было меньше.

— Рано приехал, — сказала она.

— Последний день отменили.

— Заплатили?

— За три.

Вика перестала поворачивать отвёртку.

— А ты на четыре ехал.

— Я помню.

— И гостиницу до завтра брал.

— Тоже помню.

Она посмотрела на него снизу вверх. На брови у неё лежала короткая прядь, и Андрей хотел убрать её, но панель тогда пришлось бы отпустить.

— Плохо съездил?

— Нормально. Попал неудачно.

— В себя?

— В него.

— А. Тогда у вас, наверное, это удачно называется.

Он рассказал. Вика дослушала, поставила панель на место и только потом выпрямилась. Колени щёлкнули, она поморщилась и схватилась за стол.

— Мне тоже иногда хочется сказать клиенту: ваш чайник разбирается вот так. И об стену.

— Я не об стену.

— Я поняла. Ты сейчас ещё полчаса будешь объяснять, что не сильно.

— Не буду.

— Вот и хорошо. Руки мой. В холодильнике котлеты.

Она ушла переодеваться, а он остался перед машиной, не понимая, собрана ли она уже и можно ли убирать полотенце. В кармане завибрировал телефон. Артур прислал голосовое, короткое, с шумом дороги: «Живой я. Не парься. Сам залез. Только видео попроси не выкладывать, если тебе пришлют».

Андрей прослушал дважды и ответил: «Не пришло. И не буду. Напиши потом, как с допуском».

Он хотел рассказать Вике, что Артур сам всё понимает, но она уже включила воду в ванной. Андрей убрал винты в маленькую миску, не трогая пружинку, и открыл холодильник. На верхней полке лежал кусок торта в прозрачной коробке. Он достал его, заглянул в ванную.

— У кого праздник?

— У Анжелы. Помещение нашли.

— Для чего?

Вода перестала шуметь. Вика выглянула с полотенцем на плече.

— Для мастерской, Андрей. Я тебе рассказывала.

Он помнил. Вика и Анжела, которая принимала заказы в их сервисе, хотели уйти и открыть своё дело. Обсуждали аренду, инструмент, объявления, какой-то стол, к которому требовалось подвести отдельное питание. Андрей слушал это между поездками и каждый раз думал, что до настоящего помещения дело ещё не дошло.

— Хорошее?

— Смотреть поедem в воскресенье. Подруга Анжелы там раньше шила.

— В смысле, цех?

— В смысле, одно помещение. Не завод. Будешь торт?

Он поставил коробку на стол.

— Буду. А мы потянем?

Вика прислонилась плечом к косяку.

— Пока нечего тянуть. Пока мы смотреть поедem.

Она произнесла «мы» так, что Андрей не понял, входил ли он туда. Хотел предложить отвезти, но вспомнил, что машина снова требовала ремонта, а денег за четвёртый день не было. Он посмотрел на кухонную технику, которой жена придавала жизнь лучше него, и вдруг очень устал от того, как мелко всё приходилось делить.

— После моего боя посмотрим, — сказал он.

— В воскресенье посмотрим, — ответила Вика. — До твоего боя ещё месяц.

Она села напротив, придвинула к себе коробку и ножом разделила торт. Андрею достался кусок с шоколадной завитушкой. Так было всегда, если он не успевал первым отдать завитушку ей.

* * *

Утром Палыч заставил его десять минут работать без ударов. Андрей двигался по залу, менял расстояние, слышал за спиной детские шаги. Младшая группа ещё не разошлась; двое мальчишек у двери спорили, сколько весит настоящая профессиональная перчатка. Палыч сказал им спросить у Андрея, и они тут же замолчали.

— После занятия, — сказал Андрей. — Сейчас я занят ходьбой.

Они засмеялись, но не ушли.

Палыч поднял лапы. Андрей ударил двойку, переступил, добавил по корпусу. Тренер принял, опустил руки.

— Правую опять заранее несёшь.

— Не несу.

— Слава богу. Значит, мне показалось. Ещё.

Через два повторения Андрей сам почувствовал, где именно плечо начинало движение раньше времени. Убрал

лишнее усилие, ударил короче. Палыч ничего не сказал, только снова поднял лапы. Это молчание Андрей понимал лучше похвалы.

После тренировки он задержался возле настенного расписания. Шесть раундов, Екатеринбург, двадцать четвёртое мая. Противник уже подтвердился, левша из Перми, не подарок. Андрей провёл пальцем по собственному имени, написанному тренером синим маркером в клетке поездок.

Телефон зазвонил, когда он нагнулся за сумкой.

— Андрей Викторович? Денис Коробов. Удобно минуту?

Он знал имя. Коробов делал вечера, на которых чужие фамилии становились крупнее.

— Слушаю.

— Вы у нас на май стоите. Хотел спросить: к десяти раундам насколько готовы?

Андрей посмотрел на Палыча. Тот у дальней стены сворачивал длинную резину, перехватывая её через локоть. Андрей поднял ладонь, чтобы тренер не уходил.

— Смотря к каким десяти, — сказал он.

Глава 2. Место в афише

Палыч не стал хватать телефон. Он дослушал то, что Андрей пересказал, пододвинул к себе стул и сел верхом, положив предплечья на спинку.

— У Рогова что?

— Плечо. Снялся. Подтверждение сегодня получили.

— Какое плечо?

— Палыч, я не спросил.

— А надо было спросить. Может, ему просто мало дали.

— Он из боя вышел. Мне какая разница, почему?

Тренер потёр край спинки стула большим пальцем. Дереву там давно протёрлось до светлого пятна. Андрей знал, что сейчас Палыч считает: когда последний раз они шли восемь, как восстанавливался пульс, сколько пришлось убрать после зимней простуды. Прямо на лице у него менялись числа.

— Десять мы выдержим, — сказал он наконец. — Вопрос, зачем Юлдашеву ты.

Андрей присел на скамейку. Вопрос испортил радость, которую он ещё не успел как следует почувствовать. Марат Юлдашев был действующим чемпионом России среди профессионалов, и бой с ним означал, что Андрей наконец попадёт в строку, которую зрители читают первой. Сам он после февральской победы стоял двенадцатым в российском рейтинге своего веса. Восемь раундов проходил целиком не

раз; людям уровня Юлдашева уже проигрывал. Не всем и не всегда плохо, но проигрывал. Против самого Марата ему пока не предлагали даже проверить, изменилось ли что-нибудь.

— Потому что я удобный, — сказал он. — Ты это хочешь услышать?

— Я хочу услышать, что ты это понимаешь.

— Понимаю. Возрастной, известный в узком кругу, на пояс можно один раз защититься. Ещё что?

— Ещё ты не левша. Рогов левша. Значит, ему тоже готовиться заново.

Палыч встал со стула и пошёл к столу за старым ноутбуком. Ноутбук открывался со скрипом; на крышке остался след от наклейки с чужой фамилией, которую Андрей когда-то отдира л ногтем. Они нашли последний бой Юлдашева, поставили без звука.

Марат был плотнее Андрея, с короткой шеей и спокойным движением передней руки. Он не тратил много на начало, позволял сопернику побегать, зато к середине заставлял его каждый раз выходить одним и тем же путём. Андрей смотрел на ноги, потом на плечи, потом снова на ноги. Через несколько минут поймал себя на том, что уже придумывает собственный выход.

— Видишь? — спросил Палыч.

— Вижу.

— Что видишь?

— После своей правой за мной не повернётся сразу. Ле-

вую сначала вернёт.

Палыч прокрутил назад. Они посмотрели ещё раз. В следующий раз Юлдашев вернулся иначе, и Андрей досадливо потянулся к тачпаду.

— Не каждый раз, — сказал тренер.

— Я не сказал, что каждый.

— Пока один.

Они просмотрели три раунда. Телефон Андрея лежал на столе экраном вверх. Когда он засветился, оба посмотрели сразу.

Коробов прислал адрес и время: завтра, одиннадцать, Екатеринбург. Внизу добавил: «Берите тренера. Предметно поговорим». Не «если вам интересно», не «может быть». Место за столом уже существовало, оставалось доехать.

— Ты можешь? — спросил Андрей.

— Группу передам.

— А если ничего не выйдет?

Палыч закрыл ноутбук.

— Тогда обратно приедем. Ты же не навсегда туда собрался.

* * *

Вика отказалась ехать с ними.

— Я работаю, — сказала она, как будто Андрей предложил ей просто погулять в соседнем дворе.

— Это же пояс.

— Я услышала. До пояса ещё надо договориться, потом выиграть. У меня сейчас три разобранных пылесоса и женщина, которая уверена, что без её кофемашины я спать не должна.

— Ты не рада?

Вика отложила вилку. Они завтракали, Андрей торопился, она нет. На кухне было тесно от его сумки, которую он зачем-то поставил между столом и дверью.

— Рада, — сказала она. — И боюсь. И рада. Мне нужно выбрать что-то одно, чтобы ты спокойно поехал?

Он покачал головой.

— Нет.

— Тогда приезжай и расскажи. Договор не подписывай, пока не прочитаешь. Весь.

— Палыч посмотрит.

— Палыч у нас теперь юрист?

— Он такие договоры двадцать лет смотрит.

— Я двадцать лет квитанции за свет смотрю. Если мне дом продавать начнут, это не поможет.

Андрей усмехнулся. Вика тоже улыбнулась, но вилку не взяла. Он понял, что ответа всё ещё ждут.

— Ладно. Если что-то непонятно, покажем специалисту.

— Не если непонятно. Перед подписью. Ты же потом скажешь: мне всё было понятно.

Ему захотелось возразить, что договор на бой они подпи-

сывали уже не раз и каждый раз семья не собирала совет. Но этот бой отличался. Он сам только что потребовал, чтобы жена отнеслась к нему как к событию, и теперь сердился на то, что она отнеслась серьёзно.

Вика встала, забрала тарелки. Андрей догнал её возле раковины, обнял со спины и положил подбородок на плечо.

— Если выиграю, куплю тебе три пылесоса.

— Спасибо. Очень нужно.

— Четыре?

— Купи себе телефон, который умеет говорить «нет».

— У меня умеет. Просто редко пользуюсь.

Она повернула голову и поцеловала его в щёку.

— Езжай уже, редкий пользователь. Палыч внизу мёрзнет.

* * *

Офис Коробова оказался на втором этаже делового здания, где на первом продавали окна. В приёмной стоял образец стеклопакета, случайно оставшийся, наверное, от прежних жильцов. Палыч постучал по стеклу костяшкой и сказал, что для их зала такое бы пригодились. Девушка за столом ответила, что это к соседям. Тренер кивнул, словно действительно собирался заказать.

Коробов вышел сам. На нём были тёмные брюки и белые кроссовки, слишком чистые для сегодняшних луж. Андрей ожидал увидеть крупного, громкого человека, но промоутер

оказался сухощавым, с подвижным лицом и лёгким рукопожатием. Он не потянул Андрея к себе, не хлопнул по плечу, не назвал братом. Спросил, как доехали.

В переговорной уже сидела женщина с ноутбуком. Коробов представил её Ольгой, своим помощником по организации. Она сразу объяснила, что окончательного решения по замене пока нет: собирают документы, согласуют кандидатуру, проверяют медицинскую часть. Андрей должен прислать всё, что перечислено в письме; имеющаяся лицензия не означает, что на новый бой можно выйти без остального.

— Мы готовы, — сказал Палыч.

— Я понимаю, — ответила Ольга. — Но бумаги мне тоже нужны.

Она улыбнулась, не повышая голоса, и Андрей почувствовал к ней уважение. В спортивных кабинетах спокойное «нужны» часто действовало лучше крика.

Коробов развернул к ним планшет. На нём была афиша: Юлдашев против Рогова. Фотографии, дата, место, логотипы. Андрей знал эту картинку, видел её у себя в телефоне. Теперь на пустом участке рядом с лицом чемпиона лежал палец Коробова.

— Здесь будете вы, если всё складывается. Марат согласен обсуждать. Его команда уже смотрит ваши бои.

— Уже? — спросил Андрей.

— А вы его не смотрите?

Палыч хмыкнул.

Они заговорили о весе, сроках, поездках, гонораре. Девятьсот тысяч за бой — сумма, которую Андрей несколько раз мысленно уменьшил, потому что привык сразу вычитать сборы, угол, дорогу, налоги и те деньги, что уже должен был дома. После всех вычитаний оставалось достаточно, чтобы он перестал слышать следующий вопрос.

— Андрей? — повторил Коробов. — Проживание в лагере вам потребуется?

— В каком лагере?

— До боя. Можем здесь организовать. Зал, партнёры, питание. Но Павел Степанович решает, как удобнее.

Палыч посмотрел на Андрея, потом на промоутера.

— Первые две недели дома. Дальше приедем. Мне с ним надо своим заниматься, а не всем городом.

— Разумно.

Коробов записал. Андрей заметил, что он действительно записывает: не делает вид ручкой над блокнотом, а вписывает числа и подчёркивает дни. Всё становилось работой. От этого предложение казалось надёжнее любых обещаний.

Когда Ольга вышла распечатать список, Палыч спросил:

— Почему он?

Коробов посмотрел на тренера без раздражения.

— Потому что готовится. Потому что не надо начинать с нуля. Потому что по опыту может. И потому что согласится, надеюсь.

— Другие есть.

— Есть. Кто-то занят, кто-то хочет за короткий срок сумму, которой у меня нет. Кто-то Юлдашеву не нравится. Вы хотите услышать, что я мечтал об этом бое десять лет?

— Нет, — сказал Палыч. — Этого не надо.

— Вот и хорошо. Я вам предлагаю реальную работу. Андрей знает, что он не фаворит. Я знаю, что фавориты тоже проигрывают.

Андрею понравился ответ. В нём было место и чужому расчёту, и его собственному шансу. Никто не просил поверить в чудо заранее.

Ольга вернулась с листами, положила их перед Андреем и ушла в приёмную. Палыч стал уточнять расположение зала и доступ к оборудованию, потому что соглашаться на две последние недели чужой подготовки без этих подробностей не собирался. Коробов предложил отвезти его туда сейчас; водитель как раз был внизу. Андрей поднялся вместе с тренером, но промоутер задержал его лёгким движением ладони.

— Мы ещё по сотрудничеству поговорим. Не только на этот вечер. Павел Степанович, вы посмотрите, а я Андрея потом привезу.

Палыч посмотрел на ученика. Андрей кивнул: всё нормально. Он уже увидел девятьсот тысяч и своё лицо на афише; ему хотелось услышать, что бывает дальше.

Когда дверь закрылась, Коробов убрал планшет. На столе остался блокнот, две чашки и распечатка, которую Андрей не успел сложить.

— Можно на ты? — спросил промоутер.

— Можно.

— Андрей, я не хочу, чтобы ты после этого боя опять ездил подставлять голову за чужие сборы. Ты взрослый человек. Тебе надо зарабатывать нормально.

Андрей ничего не ответил. Угадать его желание было несложно, но от того, что его назвали вслух, захотелось выпрямиться.

— Если проиграешь, — продолжил Коробов, — тоже не исчезнем. Посмотрим, как проиграешь. Если выиграешь — будет год хорошей работы. Рекламные встречи, свои бои, люди, которые помогут с залом. Я могу это собрать. Не мировой пояс обещаю. То, что здесь можно сделать.

— Я мировой и не прошу.

— Зря. Просить можно всё. Просто надо понимать, что тебе дают.

Коробов усмехнулся, откинулся на спинку стула. Андрей заметил у него на манжете маленькое пятно от кофе. До этой минуты промоутер казался слишком аккуратным, и пятно почему-то успокоило.

— Есть парень, — сказал Коробов. — Тимур Ахметшин. Видел?

Андрей видел. Молодой полутяж, Уфа, быстрые ноги, хороший передний прямой. Несколько раз попадался в трансляциях. Однажды Палыч показывал его ученикам, объясняя, как возвращать руку после удара. Андрей тогда сказал, что на месте не задерживается, поэтому и возвращать легко. Палыч ответил, что это тоже умение.

— Видел. Нормальный парень.

— Очень хороший. Я с ним работаю. Ему ещё нужно подрасти, пройти пару боёв. Примерно год. Потом хочу свести вас.

— Если у меня пояс будет.

— Именно. Если будет.

— А если не будет?

— Значит, этот разговор пока не понадобится.

Коробов подвинул к себе чашку, но пить не стал.

— Я вложусь в тебя, Андрей. В его подготовку тоже. Не из благотворительности. Мне нужен понятный выход из этой работы. Чемпион, которого знают, передаёт пояс молодому, которого будут знать. Ты получаешь хороший последний большой гонорар, дальше можем делать тренерскую историю. Свой зал, своя группа. Ты умеешь работать, я вижу.

Андрей смотрел на пятно на манжете. Оно больше не казалось уютной случайностью.

— Передаёт — это как?

Коробов выдержал паузу. В коридоре кто-то прошёл, заговорил с Ольгой, хлопнула дальняя дверь.

— Проигрывает.

— Я могу и сам проиграть.

— Можешь. Но мне нужно, чтобы это не было вопросом.

Андрей откинулся назад. Стул коротко скрипнул, и звук показался ему слишком громким для того, что здесь происходило. Он посмотрел на дверь, словно Палыч мог вернуться за забытым телефоном. Телефон тренер унёс с собой.

— Ты мне договорной бой предлагаешь?

— Я предлагаю тебе год, которого у тебя иначе, скорее всего, не будет.

— Я спросил про бой.

Коробов кивнул.

— Да. Через год. Если выиграешь сейчас. Сейчас — как умеешь. Юлдашев ничего нам не должен, его придётся побеждать самому.

Прямой ответ отнял возможность притвориться, что Андрей не понял. Он провёл ладонью по краю распечатки, загнув угол. На листе стоял список документов, необходимых для участия в настоящем спортивном поединке. Внизу Ольга аккуратно указала, до какого дня их нужно прислать.

— Тимур знает?

— Нет.

— Его тренер?

— Нет. И не надо им знать. Он честно будет делать свою

работу. У тебя задача другая.

Андрей поднялся. Не для того, чтобы уйти; просто сидеть стало невозможно. Он прошёл до окна и посмотрел вниз, где водитель открывал Палычу дверцу машины. Тренер что-то спросил у него и показал рукой на соседнее здание. Водитель засмеялся. Через секунду они уехали.

— В контракте это не напишешь, — сказал Андрей.

— Конечно. В контракте будет нормальное сотрудничество. По боям отдельные документы. Условия здесь.

Коробов коснулся пальцем стола между ними.

— Ты сейчас можешь выйти. Я не буду тебе мешать. Твой шестираундовый бой остаётся, если по вечеру ничего не изменится. Поедешь домой, забудешь разговор. Только не надо потом рассказывать себе, что я тебя заставил.

Андрей обернулся.

— А если я выиграю и через год скажу: не хочу?

— Тогда у меня будет человек, которому нельзя верить. И у тебя будет год, оплаченный человеком, которому ты врал. Дальше будем разбираться.

В этих словах не было прямой угрозы. От этого они звучали хуже: Андрей мог сам выбрать, что именно представить.

— Мне надо подумать.

— Подумай. Сегодня ничего не подписываем. Но решение нужно быстро. Замена не может ждать, пока ты свыкнешься с хорошей жизнью.

— Я ещё не в хорошей.

— Поэтому и говорим.

Коробов поднялся, подошёл к двери и придержал её, пропуская Андрея в коридор. Ольга за столом спросила, всё ли понятно по списку. Андрей ответил, что да. Она дала ему ещё одну распечатку, где были телефоны и время медицинских процедур. Он взял её обеими руками, чтобы первый лист не выпал.

* * *

В зале, куда его привёз Коробов, Палыч уже успел поссориться с человеком, отвечавшим за расписание. Не громко, но по выражению лица было ясно: будущая совместная работа началась.

— Они нам утро дают, — сказал тренер Андрею. — А партнёры вечером. Очень удобно. Сам утром, партнёры вечером, встречаемся в интернете.

Коробов рассмеялся и пошёл разбираться. Через пять минут нашлось другое время. Палыч показал Андрею ринг, мешки, небольшую комнату для отдыха. Всё было лучше, чем дома: потолок выше, пол ровнее, вентиляция работала. Даже вода в душевой шла сразу тёплая — тренер проверил.

— Нормально, — сказал он. — Можно.

Андрей стоял у канатов. На одном из дальних мешков работал парень, которого он не знал. Парень перестал бить, посмотрел на них, потом опять начал. Андрей невольно пред-

ставил, как через месяц этот человек станет смотреть иначе.

— Что он ещё предлагал? — спросил Палыч.

— Сотрудничество. Если всё получится.

— На сколько?

— На год для начала.

— Бумаги взял?

— Пришлёт.

Тренер кивнул и больше не спросил. Он уже думал о том, как добыть партнёра под Юлдашева. Андрей почувствовал почти физическое облегчение: ложь заняла две короткие реплики и не потребовала усилия. Никто не изменился в лице, не отвернулся, не увидел того, что он принёс из кабинета.

По дороге домой Палыч уснул, прижав к стеклу сложенную куртку. Андрей смотрел на мокрую дорогу и время от времени переводил взгляд на отражение собственного лица. Он ещё не согласился. Это было единственное, что пока оставалось сказать себе без оговорок.

Глава 3. Ещё не деньги

Помещение мастерской было меньше, чем на фотографиях. Вика поняла это прежде, чем хозяйка успела включить свет, но решила пока ничего не говорить. В объявлении широкий угол спрятал выступ стены, а дверь подсобки выглядела отдельным входом. На самом деле за ней стояли две швейные машины и пахло пыльной тканью.

Анжела прошла к окну и повернулась, вытянув руки.

— Здесь приёмка. Сюда стеллаж. Стол вот тут, чтобы от двери не было видно, что ты творишь.

— Я чиню, — сказала Вика.

— Вот именно. Люди должны видеть результат.

Андрей остался у двери. Дважды начал что-то говорить и замолчал: хозяйка говорила о залоге, Анжела — о вывеске, Вика считала розетки. Муж сказал, что их четыре; она нашла две пригодные. На вопрос о третьей ответила, что сначала надо проверить, куда та подключена.

На стене осталось прямоугольное светлое пятно от снятого зеркала. Ниже кто-то написал карандашом телефон. Андрей наклонился к цифрам, потом отвернулся. Вика оглядела пустые стены. Здесь уже было чьё-то дело, которое теперь закрылось; ей предлагали занести свой стол и попробовать снова.

— Сколько в месяц? — спросил он.

Хозяйка назвала сумму. Андрей кивнул слишком быстро, и Вика заметила.

— Плюс коммунальные, — сказала она. — И переделка электрики. И залог. И нам надо понять, можно ли здесь вообще работать так, как нам нужно.

— Можно, — уверенно ответила хозяйка. — До вас шили, ничего не случилось.

— Швейная машина и несколько приборов на проверке — разная нагрузка.

— У вас же не завод.

Вика посмотрела на Андрея, вспомнив его вопрос дома. Он улыбнулся, но ей сейчас было не смешно.

Они вышли во двор без обещаний. Анжела сразу набрала другой номер и отошла; хозяйка запирала дверь, проверяя ручку дважды. Вика присела на низкое бетонное ограждение возле клумбы, где ещё не было цветов.

— Не нравится? — спросил Андрей.

— Нравится. Только это не ответ на все вопросы.

— Я мог бы помочь с первыми месяцами.

Она подняла глаза.

— У тебя ещё денег нет.

— Будут.

— Андрей.

— Я не предлагаю сейчас подписывать. Просто говорю, что мог бы.

Вика посмотрела на дверь мастерской. Ей хотелось, чтобы

он мог. Она устала приносить домой чужую спешку, устала объяснять владельцу сервиса, почему нельзя выдать человеку прибор без нормальной проверки, устала видеть в конце месяца сумму, которая зависела от чужого настроения. Собственная мастерская не обещала спокойствия, зато хотя бы беспорядок был бы их.

— Если будет возможность, — сказала она, — обсудим. Только не решай за меня, что купить, кому позвонить и где нас поселить. Хорошо?

— Хорошо.

— Ты сейчас согласился или дождался конца предложения?

Он обиделся. Она увидела это по тому, как он вынул руки из карманов и снова убрал.

— Согласился.

Анжела вернулась, махая телефоном.

— Ещё один вариант есть. Там раньше обувь ремонтировали. Человек сейчас подъедет, если мы быстро.

— Поехали, — сказала Вика.

Андрей посмотрел на часы. Утром он сказал ей, что обещал Палычу после обеда разобрать ещё два боя Юлдашева, без точного времени. Вика могла бы сказать ему ехать отдельно. Вместо этого она поднялась и пошла к машине, зная, что он пойдёт следом. Ей хотелось хотя бы один воскресный день довести до конца собственное дело.

Во втором помещении пахло клеем. В третьем хозяйка не

пришла. Они прождали двадцать минут, купили кофе в бумажных стаканчиках и съели по маленькому пирожку из пекарни рядом. Андрей держал пакет, потому что у Вики руки были заняты телефоном и кофе. Когда Анжела рассказывала про будущую вывеску, он улыбался и советовал не делать буквы мелкими. На эту часть общего дела его хватало легко.

Вика повернулась к нему, собираясь спросить про договор. Он стоял на солнце, прищурившись, с её пирожком в руке, и вдруг показался очень молодым. Не тем человеком, который по утрам проверял шею поворотом головы, а тем, с кем она познакомилась возле чужого подъезда двенадцать лет назад. Тогда он тоже ждал её и держал пакет, только в пакете были апельсины, купленные не по сезону и слишком дорогие для его тогдашнего заработка.

Она откусила пирожок прямо из его руки. Андрей удивился, потом улыбнулся по-настоящему.

— Удобно, — сказала она. — Можно тебя на постоянной основе?

— Дорого.

— Я подожду распродажи.

Он поцеловал её в висок. Она не стала спрашивать про договор при Анжеле.

* * *

Юрист смотрел документы по видеосвязи. Его нашёл зна-

комый Вики, который когда-то оформлял поставки оборудования для сервиса; спортивные дела не были его основной работой, и он сразу об этом сказал. Андрей хотел закончить разговор на этой оговорке, но Вика уже открыла на столе лист с вопросами.

Они сидели вдвоём перед ноутбуком. Андрей видел собственное лицо в маленьком углу экрана и всё время старался перестать на него смотреть.

Договор на бой оказался понятнее долгосрочного соглашения. В первом были дата, место, соперник, сумма, порядок выплат, обязательства сторон. Во втором — рекламная работа, использование изображения, согласование следующих выступлений и расходы, которые могли учитываться отдельно. Юрист попросил не смешивать это в одну мысль «мне дают девятьсот».

— За что именно платят каждый раз, нужно понимать отдельно, — сказал он. — И что происходит, если отношения заканчиваются раньше. Я бы вот эту формулировку уточнил. Тут слишком широкое слово «расходы».

Вика подвинула лист к Андрею. Он записал номер пункта. Юрист продолжал говорить, а Андрей думал о том, что самого важного в документах нет и никогда не будет. Можно было сейчас просто произнести: есть ещё устное условие. После этой фразы разговор стал бы другим. Вика сидела так близко, что её локоть касался его руки.

— Помимо этих документов ещё что-то обещали? —

спросил юрист.

Андрей почувствовал, как у него напряглись плечи.

— Помощь с залом. Партнёров. Рекламные встречи.

— То, на что рассчитываете как на обязательство, лучше фиксировать. Иначе это пока разговор.

— Понятно.

— По следующему бою вам сумму называли?

— Нет. Только сказал, что будет хороший.

— Значит, суммы пока нет. Не тратьте будущий гонорар.

Вика кивнула. Ей понравилась эта фраза, и Андрей заранее знал, что услышит её ещё раз на кухне.

После разговора они отправили замечания Ольге. На часть она ответила сразу, по остальным обещала уточнить. Андрей закрыл ноутбук, но Вика оставила лист на столе.

— Ты что-то не договариваешь, — сказала она.

Он посмотрел на неё.

— В смысле?

— Ты всё время ждёшь, когда можно будет согласиться. Даже вопросы задаёшь так, чтобы тебе разрешили.

— А ты хочешь, чтобы я отказался?

— Я хочу, чтобы ты знал, на что идёшь.

Он встал и подошёл к окну. Во дворе мальчик катал велосипед, который был ему чуть велик; каждый раз, ставя ногу на землю, он наклонялся всем телом. Отец шёл рядом и не держал за седло, только следил. Андрей вдруг позавидовал этой простой работе: быть рядом с чужим риском и знать,

когда нужно подхватить.

— Я знаю, — сказал он.

Вика за его спиной вздохнула. Не стала спорить. Она могла спорить долго, когда речь шла о приборе, устройстве, конкретном обещании клиента. Здесь ей нечего было предъявить, кроме собственного беспокойства. Андрей слышал, как она складывает бумаги, и не оборачивался.

* * *

Поздно вечером он вышел вынести мусор и позвонил Коробову из машины. Сел на водительское место, закрыл дверь. Мотор не запускал.

— Я готов, — сказал он, когда промоутер ответил.

— К бою или ко всему?

Андрей посмотрел на тёмное лобовое стекло. В нём отражалась лампа над подъездом и его рука с телефоном.

— К тому, о чём говорили.

— Скажи нормально. Я не хочу потом выяснять, что мы по-разному поняли.

Ему стало жарко в застёгнутой куртке. Он расстегнул её свободной рукой, но легче не стало.

— Если выигрываю у Юлдашева, — сказал Андрей, — примерно через год уступаю Ахметшину. Ты даёшь мне работу и поддержку на этот год. Потом нормальный выход из карьеры. Так?

Коробов ответил не сразу.

— Так. Без самостоятельности. По срокам и организации потом договоримся, когда будет что организовывать. Пока твоя задача — выиграть.

— Я не обещаю, что выиграю.

— Этого никто не обещает. Поэтому я и разговариваю с тобой, а не с рекламным щитом.

Андрей сжал переносицу. Хотелось спросить, кто ещё знал, что будет, если он не сможет, можно ли отказаться потом с возвратом денег. Все вопросы он уже задавал себе, и ни один не менял произнесённого.

— Завтра по бумагам двигайтесь, — сказал Коробов. — Ольга всё пришлёт. И, Андрей, не начинай сейчас себя хоронить. Ты ещё не чемпион. Сначала сделай то, что умеешь.

После звонка Андрей остался в машине. В подъезде погас свет, потом снова зажёгся: кто-то спускался. Он убрал телефон, достал из кармана смятую квитанцию, опять убрал. Мусорный пакет всё ещё лежал на пассажирском сиденье, и запах постепенно занимал закрытое пространство.

Он вышел, отнёс пакет к контейнерам и вернулся домой.

— Долго, — сказала Вика из комнаты.

— С Коробовым говорил. Соглашаемся.

Она появилась в дверях. На ней была старая футболка с выцветшей надписью, которую Андрей когда-то привёз с соревнований. Подошла, обняла его за шею и прижалась лбом к его лбу.

— Ну давай, — сказала она тихо. — Давай уже.

Он обнял её крепче. Она засмеялась, попросила не ломать рёбра, и он сразу ослабил руки.

* * *

Следующая неделя прошла без единого знака того, что произошло что-то неправильное. Уточнённые документы пришли вовремя. Андрей подписал их и сохранил свои экземпляры в папке, которую Вика надписала на торце: «Бой. Май». Затем прошёл назначенные обследования, дождался заключений, отправил то, что требовала Ольга. Она позволила сама: Департамент профессионального бокса федерации утвердил его участие в добровольной защите Юлдашева. Новая афиша появилась только после этого подтверждения.

На ней он был слишком серьёзным. Снимок сделали ещё зимой, для другого вечера, и фотограф тогда просил не улыбаться. Юлдашев на своей половине выглядел спокойнее — как хозяин квартиры, в которую Андрей пришёл занимать деньги.

Вика рассматривала афишу на телефоне.

— Могли бы нормальную взять.

— Какую?

— Где у тебя лицо.

— Это тоже лицо.

— Это ты в налоговой, когда пароль забыл.

Он расхохотался. На несколько секунд афиша перестала быть страшной. Потом Вика переслала её Анжеле, матери и двум подругам. Андрей видел, как быстро его новое положение расходуется по людям, и ему нравилось это видеть.

В зале Палыч прикрепил распечатку к пробковой доске. Не в середине, где висело расписание детских групп, а сбоку. Андрей постоял перед ней, потом передвинул на два пальца выше.

— Так лучше? — спросил тренер.

— Ровнее.

— Ага.

Палыч не улыбался, но Андрей знал, что тот доволен. Когда тренер отошёл, один из мальчишек подошёл к доске и прочитал фамилии по слогам.

— Андрей Викторович, вы теперь по телевизору будете?

— В интернете точно.

— А если выиграете, пояс дадут?

— Дадут.

— Настоящий?

Андрей посмотрел на мальчишку. Тот спрашивал о материале, о блестящей вещи, которую можно потрогать. Ничего больше в вопросе не было.

— Настоящий, — ответил он. — Приходи потом, посмотрим.

Мальчишка убежал догонять товарища, а Андрей задержался возле афиши. На фотографии его кулаки были под-

няты одинаково высоко. В жизни Палыч всё время требовал убрать лишнее напряжение из правого плеча. Фотографу, наоборот, понравилось именно так.

Глава 4. До последнего гонга

На третьем повторении Палыч убрал лапу, и Андрей ударил воздух.

— Зачем? — спросил он.

— Ты туда уже не смотришь.

— Я знаю, где она.

— Вот. А Юлдашев не знает, что обязан её там держать.

Тренер снова поднял руки. Андрей начал, увидел пустое место, придержал продолжение и вышел в сторону. Палыч ткнул его лапой в плечо.

— Поздно.

Они работали в Челябинске вторую неделю. Утром ещё было прохладно, к полудню в зале становилось душно, и Палыч открывал фрамуги длинной палкой с железным крючком. Одна фрамуга не держалась; под неё подкладывали свёрнутый журнал. Андрей знал в этом помещении каждую трещину и каждый сквозняк, но перед новым боем привычное вдруг стало тесным. Ему хотелось скорее уехать в Екатеринбург, туда, где высокие потолки и никто не просит после тренировки передвинуть шкаф.

Палыч это чувствовал и сердился без прямого повода. Исправлял то, что раньше оставлял, требовал повторить уже сделанное, однажды спросил, не мешает ли Андрею тренер из старого зала. Андрей ответил слишком резко, и они де-

сять минут работали молча. Только потом Палыч сказал:

— Я с тобой еду. Мы это решили.

— Я помню.

— Значит, не беги раньше ног.

Андрей хотел сказать, что это не про бокс, но промолчал. Про бокс они хотя бы умели спорить.

Главное изменение оказалось маленьким. Андрей привык уходить после своей правой длинно, будто ему нужно было сразу получить безопасное расстояние. Юлдашев догонял таких соперников передней рукой, останавливал и начинал заново. Палыч требовал остаться ближе на долю секунды, повернуться на ногах и выйти сбоку. Непривычная задержка казалась приглашением ударить ещё раз. Андрей чувствовал свободное место и хотел занять его, а тренер заставлял сохранить выход.

— У тебя десять раундов, — говорил он. — Не надо за один всё отдать.

— Если вижу, почему не бить?

— Бей. Только потом покажи, где окажешься.

Они просматривали запись. В первый день Андрей оказался спиной к канатам, во второй — прямо перед встречной рукой партнёра. На третий раз вышел чисто и так обрадовался, что перестал следить за продолжением. Партнёр достал его левой в грудь. Андрей засмеялся, выдохнув воздух через капю, и попросил ещё.

Работа шла. Это было почти невыносимо приятно: день

давал видимый результат. Ложь оставалась за пределами трёхминутного отрезка. Здесь никто не просил Андрея уступить, и тело послушно верило этой части договора.

* * *

Артур позвонил в пятницу. Сказал, что врачи его пока придержали, он выполняет назначения и на спарринги не лезет. Говорил раздражённо, но живо, спрашивал про титульный бой.

— Уже звезда, да?

— Пока фотография.

— С фотографией тоже можно работать. Тебе костюм купили?

— Зачем?

— Интервью давать. В старой кофте нельзя, это нам всем репутацию портит.

Андрей посмотрел на свою кофту. На манжете был зашитый угол, работа Вики. Шов она сделала тёмной ниткой, потому что нужного цвета дома не оказалось, и сказала, что в мужской жизни допустима одна видимая починка.

— Передай вашей репутации, что моя кофта справляется.

Артур засмеялся, потом неожиданно спросил:

— Тебе четвёртый день доплатили?

— Нет.

— Сейчас разберусь.

— Не надо.

— Чего не надо? Мы тебя звали. Ты приехал. Всё.

Андрей не успел подобрать ответ, и Артур уже заговорил о другом. Через час пришёл перевод от того же тренера. Без извинений, с короткой подписью: «Закрыли».

Андрей показал сообщение Вике. Она прочитала и сказала:

— Хорошо.

— Видишь, я же говорил, нормальные люди.

— Я не говорила, что они ненормальные. Я говорила, что тебе должны.

Он хотел поспорить, но не смог найти, с чем именно. Вика поставила на стол две тарелки, придвинула ему большую и забрала телефон, чтобы посмотреть, как он получился на новой афише. Иногда она делала это без причины. Андрей притворялся, что не замечает.

* * *

В Екатеринбург они приехали поездом десятого мая. Вещей у Палыча оказалось больше, чем у Андрея: тренер вёз лапы, эластичные ленты, собственное полотенце и старый чайник, который, по его словам, кипятил честнее гостиничных.

— Чем они нечестные? — спросил Андрей.

— Ничем. Просто мой.

Номер был обычный, с двумя кроватями и столом у окна. Коробов предлагал отдельные, но Палыч сказал, что им не надо. Андрея никто не спросил. Первой ночью тренер храпел так, что Андрей записал короткое видео тёмной комнаты и отправил Вике.

Она ответила: «У вас там трактор в номере?»

Он написал: «Подготовка к тяжёлой технике».

Вика прислала смеющийся смайлик, потом фотографию разобранной кофемашины с подписью: «У меня тоже чемпион».

Андрей лежал, глядя в экран. Ему хотелось позвонить и просто послушать, как она ходит по кухне. Но было поздно, а утром тренировка. Он положил телефон подальше от подушки и стал ждать, когда храп перестанет быть отдельным звуком.

На второй день к ним привезли партнёра из Тюмени. Его звали Илья, и он сразу спросил, что именно нужно делать. Не вежливо, не насторожённо — по делу. Андрей почувствовал себя на другой стороне привычного разговора.

— Давить, — сказал Палыч. — Но не без головы. Ему выходы нужны.

— Отвечать можно?

— Нужно.

Илья посмотрел на Андрея. Тот кивнул.

— Если я полезу куда не надо, бей.

Первые раунды не получились. Илья давил иначе, чем

Юлдашев: начинал с корпуса и поднимался наверх, тогда как чемпион чаще сперва останавливал передней рукой. Андрей раздражался на это различие, словно партнёр обязан был целиком превратиться в человека из записи. В перерыве он начал объяснять, Палыч выслушал и сказал:

— У него свои руки. Ты с ними тоже разберись.

После следующего раунда Андрей понял, что ищет слишком удобную тренировку. Илья заставлял его менять выход, а не подтверждать то, что уже получилось дома. К концу работы они оба устали и оба были довольны. Андрей подал партнёру воду, спросил, надолго ли тот приехал. Илья ответил, что на неделю, потом ему самому готовиться.

— Оплату с тобой закрыли? — спросил Андрей.

— А ты начальник?

— Нет.

— Тогда не переживай. Закроют.

Андрей пожал плечами. Через день он всё-таки уточнил у Ольги. Та ответила, что всё по договорённости, и прислала подтверждение самому Илье. Потом спросила, нужно ли ещё что-нибудь.

Он едва не написал: «Не надо никому за меня обещать». Вместо этого попросил перенести съёмку на вечер после лёгкого дня.

С Глебом Роговым он столкнулся в коридоре зала. Выбывший претендент приехал к знакомому тренеру; рука у него свободно висела вдоль тела, и Андрей сначала подумал, что с плечом уже всё нормально. Потом Глеб попробовал достать телефон из заднего кармана другой рукой и неловко повернулся всем корпусом.

Они знали друг друга по вечерам, но друзьями не были. Рогов посмотрел на Андрея, кивнул.

— Ну что, занял?

— Получается так.

— Повезло тебе.

Андрей почувствовал укол обиды прежде, чем успел понять, на что обижается. Он двадцать лет вставал в стойку, провёл двадцать два профессиональных боя, проигрывал, возвращался, ездил на сборы, которые никто не снимал. Но место действительно освободилось из-за чужого плеча.

— Повезло, — согласился он.

Рогов хмыкнул.

— Хотя не рассказываешь, что судьба наградила.

— Как рука?

— Лечу. Лучше бы зуб сломал.

— Не выбирают.

— Я заметил.

Они постояли неловко. Андрей мог уйти, но вместо этого спросил, что Рогов видел в Юлдашеве после третьего раунда. Глеб посмотрел внимательнее. Разговор о чужой удаче кончился; начался разговор о боксе.

— Он вперёд идёт не всегда, — сказал Рогов. — Ты его пустишь и ждёшь, что дальше полезет, а он остановится. Ты тогда сам начинаешь. Ему это и надо.

— Видел.

— Видеть мало. Я с ним когда давно работал, тоже всё видел. Потом домой приехал и на видео ещё раз увидел.

Андрей усмехнулся. Глеб указал здоровой рукой, как именно чемпион оставлял человеку право начать, а затем закрывал выход. Они передвинулись к стене, чтобы не мешать проходу. Палыч вышел из зала и некоторое время молча смотрел, как двое спортсменов показывают друг другу чужое движение.

— Советами не перекорми его, — сказал он наконец. — У меня там уже места мало.

Рогов опустил руку.

— Да я ему только плохое советую. Чтобы потом сам вышел.

Палыч хмыкнул. Андрей засмеялся первым, и неловкость наконец прошла.

Когда Рогов ушёл, тренер спросил:

— Что сказал?

Андрей повторил. Они проверили на лапах. Один раз

совет помог, на следующий Андрей слишком старался дождаться чужой остановки и сам застыл.

— Всё. Хватит на сегодня, — сказал Палыч.

— Ещё один.

— Ты уже не боксируешь. Ты проверяешь, достоин ли.

Андрей снял перчатки и сел у стены. На полу возле его ноги лежал короткий кусок белой ленты. Он поддел её носком, потом нагнулся и выбросил в урну. Палыч тем временем складывал оборудование, не оглядываясь. Андрей был благодарен ему за то, что следующего предложения не последовало.

* * *

Коробов приехал вечером с двумя пакетами. В одном были фрукты, в другом — футболки для съёмок. На груди крупно написали фамилию Андрея. Он вытащил первую и растянул перед собой, чтобы посмотреть.

— Размер проверил? — спросил Палыч.

— Всё проверили, — ответил Коробов.

Андрей натянул футболку поверх своей майки. Она оказалась тесной в плечах. Андрей посмотрел на тренера, тот пожал плечами с таким удовольствием, будто сам выбирал размер.

— Завтра заменят, — сказал Коробов. — Ничего страшного.

Они поговорили о съёмке, билетах для семьи, времени встречи с журналистами. Палыч сидел на кровати, разрезал яблоко своим складным ножом и отказывался от камеры заранее. Коробов не настаивал. Он умел оставить человеку маленькую победу.

Когда тренер пошёл мыть руки, промоутер понизил голос:

— Как настроение?

— Рабочее.

— Хорошо. По нашему разговору ничего не изменилось?

Андрей снял новую футболку и сложил её. Получилось криво, фамилия ушла под рукав.

— Нет.

— Я тебе после победы отдельно помогу на старт. Не весь год ждать, пока раскрутим. Триста тысяч сразу. Сверх боевого. Это наши с тобой деньги, без Ольги. Понимаешь, за что.

Андрей поднял на него глаза. Коробов не отвёл взгляд.

— Понимаю.

— Тогда всё. Сейчас не забивай голову.

Из ванной донёсся шум воды. Андрей положил футболку обратно в пакет, придавил сверху ладонью. Ничего нового, по существу, не произошло: условие он уже принял. Но пока оно существовало впереди, можно было думать о нём как о неправильном слове. Теперь у слова появилась сумма.

Палыч вернулся, сел и спросил, кому последнее яблоко. Коробов отказался, Андрей тоже. Тренер убрал его в холодильник, где оно сразу заняло почти всю свободную полку.

После ухода промоутера они включили бой Юлдашева ещё раз. Палыч остановил запись в середине шестого раунда.

— Здесь будет самое неприятное, — сказал он. — Когда уже устал, а до конца далеко. У тебя на лице не должно быть просьбы.

— К нему?

— К кому угодно. Работать надо. Не нравится — всё равно работать.

Андрей смотрел на застывший экран. Юлдашев стоял боком, левая рука вытянута, соперник только начинал поворот. Он представил себя на чужом месте и вдруг отчётливо захотел туда попасть — не на афишу, не на сцену после, а именно в эту секунду между движениями, где ещё ничего не решено.

— Включай, — сказал он.

Глава 5. Чужие ожидания

На взвешивании Юлдашев протянул Андрею руку первым.

— Ну что, добрался?

— Добрался.

— Хорошо выглядишь.

Андрей не понял, правда ли это, и ответил тем же. Марат улыбнулся уголком рта. Вблизи он был ниже, чем казался на экране, и шире в плечах. На переносице у него виднелся тонкий старый рубец, которого Андрей не замечал в трансляциях. Рубец делал лицо не страшнее, а обыкновеннее: с таким человеком можно было стоять в очереди и обсуждать, почему опять не работает второй терминал.

Потом их позвали к весам.

Андрей прошёл этот день без приключений. Перед взвешиванием его осмотрел врач; затем оставалось дожидаться своей очереди. Подготовка шла в его привычной категории, и срочно спасти цифру не пришлось. Он сделал то, что просили официальные лица, дождался фиксации веса, отошёл. Палыч сразу протянул ему одежду. Камеры переместились к Марату.

На общей фотографии они стояли напротив друг друга. Андрей поднял кулаки и посмотрел в глаза сопернику. Тот ответил спокойно, почти скучающе. В этом спокойствии Ан-

дрей почувствовал силу, которую невозможно было изучить по записи: Юлдашеву не требовалось воображать себя на этом месте. Он уже много раз здесь стоял.

— Поближе, — попросил фотограф.

Они придвинулись. Андрей услышал, как Марат тихо выдохнул через нос.

— У тебя тренер злой, — сказал чемпион, не меняя выражения лица.

— Почему?

— Смотрит, как будто я ему денег должен.

Андрей едва удержался от смеха.

— Он всем так смотрит.

— Тогда ладно.

Фотограф попросил ещё один кадр. Они снова сделали серьёзные лица.

После официальной части журналист с небольшим микрофоном остановил Андрея возле выхода. Спросил про позднюю замену, возраст, готовность к десяти раундам. Андрей отвечал то, что уже говорил: готовился к выступлению, опыта хватает, команда знает свою работу. Потом журналист спросил, что эта возможность значит лично для него.

Простой вопрос оказался труднее всех предыдущих. Андрей посмотрел на микрофон, на красную точку записи, на молодое лицо человека, которому нужен был короткий ответ.

— Я долго работал рядом с такими боями, — сказал он.

— Хочу сам.

Журналист подождал продолжения. Андрей не добавил ничего. Тот поблагодарил и ушёл к другому спортсмену.

Палыч догнал Андрея в коридоре.

— Хорошо сказал.

— Нормально?

— Коротко. Можно домой.

* * *

Вика приехала вечером. В гостиничном коридоре она сначала прошла мимо Андрея, потому что смотрела на номера дверей. Он сказал ей вслед: «Женщина, вы кого ищете?» Она остановилась и обернулась с таким выражением, что он пожалел о тоне.

— Я полчаса парковку ищу, — сказала она. — Не начинай.

Он взял её сумку. Вика протянула ключ от машины и попросила проверить, можно ли там стоять до завтра. Андрей посмотрел на Палыча, выглянувшего из номера. Тренер молча забрал ключ и ушёл вниз.

— Он умеет? — тихо спросила Вика.

— Ему шестьдесят один, а не сто сорок.

— Я про нашу сигнализацию.

Из лифта донёсся знакомый громкий писк брелока. Они посмотрели друг на друга и засмеялись.

Вика привезла чистую рубашку, книгу, которую Андрей не просил, и небольшую коробку печенья для тренера. Ему самому — ничего особенного: всё, что он мог сейчас есть, было на месте. Она сказала, что хотела привезти подарок, но ничего не придумала.

— Только талисмана нам не хватало, — добавила она и передала ему рубашку.

Они вышли ненадолго пройтись. Палыч сказал вернуться без прогулочного подвига и сам остался в номере с книгой Вики, которую взял проверить. Через пять минут написал, что там убийство уже на третьей странице и дальше читать пока страшно. Вика велела не загибать уголки.

Андрей шёл рядом с женой, стараясь не разбирать завтрашний бой. Они говорили о мастерской, о том, что Анжела нашла другое помещение, более дорогое, но без необходимости сразу переделывать всё. Вика не просила денег. Андрей несколько раз подводил разговор к этому сам, а она возвращалась к вентиляции и договору аренды.

— Ты боишься рассчитывать на меня? — спросил он наконец.

Вика остановилась у витрины, где стояли слишком нарядные мужские ботинки.

— Я боюсь рассчитывать на ещё не случившееся, — сказала она. — На тебя я рассчитываю. Например, что после боя ты всё равно дома будешь, как бы он ни закончился.

— Это маленькая ставка.

— Для кого как.

Он взял её за руку. Они постояли возле ботинок, которые никому из них не были нужны. Вика повернула к нему голову.

— Хочешь, я скажу, что ты обязательно выиграешь?

— Нет.

— А я хочу сказать. Очень. Только меня потом саму от этого трясёт.

— Меня тоже.

Она сжала его пальцы. Дальше они пошли молча, и Андрею стало легче от того, что не требовалось обещать ей завтра.

В гостинице Вика показала на телефоне смешную запись из мастерской: Анжела пыталась продиктовать клиенту номер заказа, а за её спиной старый пылесос самопроизвольно сдвигался по столу от работающего мотора. Вика объяснила, что они проверяли прибор на стенде и никто не оставлял его без присмотра, но видео всё равно выглядело так, будто техника собирается уйти. Андрей смеялся громче, чем запись заслуживала. Ему нравилось, что жена принесла сюда мир, в котором можно было разбираться с чем-то помимо его головы и рук.

Позже она ушла в свой номер. Перед сном Андрей долго смотрел на закрытую дверь, а потом открыл телефон и нашёл фотографию афиши. Завтра она перестанет обещать. Будет просто напоминать, что произошло.

Утро двадцать четвёртого мая началось с чужого будильника. Палыч проснулся, выключил звук и тут же заснул снова. Андрей лежал, слушая тишину, и постепенно начинал злиться. Он хотел спать до своего времени. Теперь сон ушёл, оставив неприятную лёгкость в животе.

— Ты зачем ставил? — спросил он.

Палыч открыл один глаз.

— Забыл снять.

— Ты всегда так.

— Врёшь. Вчера не было.

Андрей отвернулся к стене. Через минуту тренер встал, стараясь не шуметь. Это старание было громче обычных движений: он уронил ложку, задел ногой сумку и слишком медленно закрывал дверь ванной. Андрей засмеялся в подушку. Палыч вернулся, посмотрел на него и тоже улыбнулся.

День тянулся. Обычные действия — поесть, выйти на короткую прогулку, вернуться, полежать — казались чужим расписанием, в котором кто-то забыл главное. Андрей знал, что именно сейчас нужно беречь силы, и всё равно несколько раз вставал проверить сумку. Капа была на месте, документы тоже, обувь лежала там, где он оставил. Проверка ничего не меняла.

Вика написала, что уже обедает и вечером придёт вове-

мя. Он ответил: «Не садись прямо у ринга, там шумно». Она прислала фотографию билета: место было уже назначено.

«Тогда садись там», — написал он.

«Спасибо за разрешение».

Он положил телефон и закрыл глаза. Перед ним сразу появился Юлдашев, не целиком, а отдельным движением плеча. Андрей попытался заменить его другим изображением: кухней, дорогой, лицом жены. Ничего не помогло. В конце концов он разрешил себе думать о первом раунде, но только о первом. Остальное тело должно было сделать потом.

* * *

В раздевалке пахло мазью, влажной тканью и чьим-то дешёвым дезодорантом. Для главного боя им отвели отдельную комнату, но звуки соседей всё равно проходили через стену: хлопки ладоней по лапам, кашель, чей-то слишком громкий смех. Андрей сидел на скамейке и смотрел, как Палыч раскладывает вещи.

В их углу работал ещё Сергей — катмен, которого привлёк организатор. До этого они встретились один раз, обсудили привычки Андрея и то, что важно знать о коже над правой бровью, где старое рассечение давно зажило. Сергей говорил мало, всё делал неторопливо и не пытался понравиться. Это успокаивало.

Официальные проверки шли своим порядком. Пришёл

врач, потом представитель судейской бригады. Андрей отвечал, показывал, ждал. Когда бинтование закончили и проверили, он посмотрел на руки: белые, плотные, пока ещё лёгкие. Сергей помог надеть перчатки, закрепил их. Палыч проверил, удобно ли, спросил то же самое второй раз.

— Удобно, — сказал Андрей.

— Хорошо.

Коробов заглянул минут за сорок до выхода. На нём был костюм, который делал его старше. Он пожал Андрею руку в перчатке, пожелал спокойно работать и спросил Палыча, всё ли есть. Тренер ответил, что теперь уже всё.

Промоутер не задержался. Когда дверь закрылась, Андрей почувствовал неожиданную злость: человек, купивший кусок его будущего, просто вышел заниматься другими делами. Мог бы хотя бы волноваться сильнее. Мысль была такой нелепой, что Андрей усмехнулся сам себе.

— Что? — спросил Палыч.

— Ничего.

— Тогда вставай.

Они начали разминку. Первые удары получились пустыми, без привычной отдачи. Андрей почувствовал лёгкий испуг, добавил усилие, и Палыч сразу опустил лапы.

— Не проверяй силу. Она на месте.

Он поднял их снова. Андрей сделал мягче, вошёл в движение, услышал ровный хлопок. Ноги понемногу перестали быть отдельными от корпуса. После нескольких серий ему

захотелось продолжать, и тренер остановил именно на этом желании.

— Хватит. Оставь.

За дверью кто-то пробежал. Донёсся голос ведущего, потом музыка. До их выхода ещё оставался один бой, но Андрей уже чувствовал зал через стену, как ощущают поезд до того, как он появляется из-за поворота.

Палыч сел напротив.

— Первый не дари, — сказал он. — И не кради. Посмотри, что он принесёт.

— Ты сам понял?

— Понял. Ты поймёшь — вообще хорошо будет.

Андрей засмеялся. Тренер тоже, коротко, потом снова стал серьёзным. Он смотрел на ученика долго, открыто, и Андрей отвёл глаза первым.

Когда их позвали, он поднялся без усилия. Все часы ожидания остались на скамейке вместе с полотенцем. В коридоре шёл кто-то из предыдущего боя: мокрый, с опущенными руками, в сопровождении тренера. Андрей уступил дорогу. Тот кивнул, не поднимая головы.

За чёрной занавеской было слышно собственное имя. Андрей сделал шаг и оказался в свете.

Глава 6. Своими руками

Музыку он выбрал сам и теперь почти не слышал. Слышал шаги Палыча за спиной и собственные подошвы на дорожке. По обе стороны стояли люди, некоторые тянули руки, кто-то снимал прямо перед его лицом. Андрей посмотрел поверх телефонов и увидел ринг — ровный белый квадрат под светом, который делал всё вокруг темнее.

По ступеням он поднялся осторожно. Не хотелось споткнуться до начала. Палыч придержал канаты, Андрей прошёл между ними и только тогда посмотрел в зал.

Вику он нашёл не сразу. Она сидела во втором ряду, чуть сбоку, в синей рубашке, которую он любил. Рядом с ней был свободный стул. Андрей поднял перчатку; Вика ответила ладонью и тут же села глубже, будто испугалась, что теперь все посмотрят на неё. Он улыбнулся.

Потом вышел Юлдашев.

Чемпион не торопился. Прошёл к своему углу, повернулся, поднял руки. Зал отозвался громче. Андрей почувствовал это телом, как прохладный воздух из открытой двери. Столько лет он смотрел на чужой выход с места, которое находилось ниже канатов. Теперь стоял внутри и всё равно оставался менее ожидаемым человеком.

Ведущий называл достижения, рекорды, города. Когда прозвучало «из Челябинска», кто-то крикнул фамилию Ан-

дрея протяжно, на весь зал. Он не понял, знакомый ли это голос, но захотелось немедленно ответить.

Рефери позвал их в середину. Андрей слушал инструкции, глядя на пуговицу у воротника судьи. Капа уже лежала во рту, и язык всё время проверял её край. Юлдашев стоял напротив, спокойный, сухой, ещё не похожий на человека из середины десятого раунда. Они коснулись перчатками и разошлись.

Палыч сказал что-то последнее. Андрей увидел движение его губ, кивнул, хотя не расслышал. Тренер заметил и повторил громче:

— Не торопись за ним.

Андрей кивнул снова. На этот раз по делу.

Гонг прозвучал не так, как на тренировке. Ни громче, ни торжественнее — просто рядом с ним сразу возник человек, который имел право ударить всерьёз.

* * *

Марат начал с передней руки. Не ударил сразу, а обозначил расстояние, заставил Андрея показать, где тот будет стоять. Андрей чуть сместился вправо и увидел, как чемпион идёт следом, не перекрещивая ног, спокойно сокращая пространство.

Первый прямой пришёл в перчатку. Второй прошёл ниже и коснулся груди. Ничего тяжёлого, но оба сделали то, что

требовалось Юлдашеву: Андрей отступил и потерял удобное начало.

Он ответил левой. Попал в защиту, попробовал добавить правую, но Марат уже ушёл на полшага. Пустое движение вытянуло Андрея вперёд. Чемпион вернул его на место коротким попаданием в корпус.

Боль была обычной. От этого почему-то стало легче. Андрей до последнего ожидал, что на таком уровне всё будет устроено иначе — быстрее, тяжелее, недоступнее. Юлдашев был очень хорош, но оставался человеком, который сначала переносит вес и только потом оказывается рядом.

Андрей перестал отступать по прямой. Дважды вышел в сторону, один раз встретил левой и не продолжил, хотя хотелось. Марат посмотрел на него внимательнее. До конца раунда Андрей пропустил ещё два ясных удара и вернул один. Гонг застал их на расстоянии, где оба могли начинать.

В углу Сергей вошёл внутрь с табуретом. Палыч остался на помосте за канатами, наклонился к Андрею и сразу спросил:

— Видишь его?

Андрей кивнул, пока Сергей освобождал рот от капы.

— Вижу. Передняя длиннее, чем кажется.

— Не убегай от неё всем собой. Чуть голову, чуть ногу. А то ты ему полринга даришь.

Андрей сделал глоток воды. Сергей вытер лицо, быстро посмотрел на кожу над бровью. Всё было спокойно.

— Не спеши возвращать первый, — сказал Палыч. — Он уже кончился.

* * *

Во втором раунде Андрей оставил Юлдашеву меньше места. Сам начинал короткой левой, не для тяжёлого попадания, а чтобы чемпиону пришлось решать раньше. Марат дважды ответил одинаково: сдвинул переднюю перчатку, шагнул внутрь. На третий раз Андрей не продолжил правой, как ожидалось, а уступил немного и встретил снова левой.

Попал чисто.

Юлдашев качнул головой, не показывая, что почувствовал. Андрей едва не пошёл за этим движением всем телом. Удержался, увидел правую чемпиона и ушёл от неё в сторону, как они делали на лапах. Не красиво, не широко — просто оказался там, где удара уже не было.

Из угла донёсся голос Палыча. Слов Андрей не разобрал, но интонация была знакомой: получилось, дальше.

Он добавил по корпусу после следующего сближения. Марат ответил, и Андрей принял на локоть, почувствовав, как сила прошла до плеча. Близо было тесно и неприятно; никто не стоял неподвижно, чтобы дать закончить удобную серию. Когда рефери развёл их после короткого клинча, Андрей сделал шаг назад и обнаружил, что дышит спокойнее, чем в первом.

В этом раунде у него было больше ясной работы. Он чувствовал её по чужим остановкам, по необходимости Юлдашева перестраиваться. Не по крикам из зала: там кричали и после ударов в перчатки.

В углу Палыч не похвалил. Сказал только:
— Теперь он придёт ближе. Не удивляйся.

* * *

Юлдашев пришёл.

Не с первого движения, а после того, как дважды позволил Андрею начать. На третьем сам шагнул в промежуток и ударил в корпус. Андрей опустил правую перчатку, закрывая бок, и следующий левый удар Марата прошёл поверх защиты, по правой стороне лица. Андрей почувствовал острый жар над бровью.

Он видел Марата, видел перчатки, всё оставалось на месте. Только к виску потекло тёплое, слишком быстрое для пота.

Юлдашев заметил. Его передняя рука стала настойчивее. Андрей убрал голову, ответил, но поспешил с выходом и оказался у канатов. Сзади пружинило чужое ограничение: дальше нельзя было просто отступить.

Он закрылся, переждал короткую серию, поймал момент для поворота. Марат встретил его плечом, не дал уйти сразу. Пришлось остаться и работать вблизи. Андрей ответил

по корпусу, услышал чужой выдох, но Юлдашев не отпустил. Ещё один удар пришёл в защиту, второй скользнул возле повреждённой брови.

Рефери разнял их. Андрей отошёл и моргнул, проверяя глаз. Видел нормально. Кровь шла наружи, к виску, но ощущение мешало сильнее самой боли. Всё внимание хотелось отдать одному месту на лице.

Он заставил себя снова смотреть на плечи соперника. До конца раунда успел дважды ответить и снова пропустил в корпус. Когда прозвучал гонг, пошёл в угол быстрее, чем собирался.

Сергей уже стоял перед ним. Палыч отодвинулся за канатами, чтобы катмену было удобнее работать. К коже над бровью прижалось холодное; Андрей втянул воздух и услышал короткое:

— Сиди ровно.

Рефери подошёл вместе с врачом. Андрей ответил на вопросы, посмотрел туда, куда попросили. Врач осмотрел повреждение, убедился, что зрению оно сейчас не мешает. Рефери разрешил продолжать. Всё заняло часть минуты, которая показалась Андрею одновременно слишком длинной и недостаточной.

Палыч наклонился ближе.

— Слышишь меня?

— Да.

— Не закрывай весь мир одной бровью. Он ждёт, что ты

теперь только её беречь будешь.

— Я вижу.

— Тогда работай. И если перестанешь видеть — говоришь сразу.

Андрей кивнул. Сергей убрал холодный инструмент, закончил обработку, и почти сразу пришло время вставать.

* * *

В четвёртом Андрей начал сам.

Ударил передней рукой в грудь, чтобы остановить шаг, и ушёл прежде, чем Юлдашев успел продолжить к брови. Марат пошёл следом. Андрей показал то же начало, но на этот раз задержался на месте, заставив чемпиона закончить движение без готовой цели. Правая прошла рядом. Андрей ответил коротко, попал и сразу повернулся на ногах.

Получилось.

Удовольствие было настолько острым, что хотелось немедленно повторить. Он помнил, как это кончается на тренировке. Дал себе одно спокойное движение, потом начал иначе.

Юлдашев больше не выглядел скупающим. Он пытался отрезать выход, ловил Андрея на начале поворота, один раз достал в плечо так, что рука на секунду стала тяжёлой. Андрей не стал проверять её отдельно. Она работала; этого хватало.

В середине раунда Марат остановился, предлагая ему самому пройти вперёд. Андрей вспомнил Рогова, но не слова — движение здоровой руки в коридоре. Не пошёл прямо. Показал удар, заставил чемпиона закрыть расстояние и встретил его на входе.

На этот раз зал ответил по-другому. Андрей услышал резкий общий звук, прежде чем успел увидеть результат. Юлдашев качнулся, собрался, сразу вернул правую. Андрей принял её на защиту и не полез добивать человека, который всё ещё хорошо видел и отвечал.

Остаток раунда он работал внимательнее. Марат искал корпус, Андрей заставлял его менять начало. У гонга они снова разошлись сами, без команды рефери, и Андрей впервые пошёл к стулу с ощущением, что не просто держится.

— Вот так, — сказал Палыч. — Только не женись на одном движении.

Сергей занимался бровью. Андрей почти перестал чувствовать её, пока тот не коснулся кожи. Боль вернулась, короткая и деловая, и снова отступила.

В пятом Юлдашев стал меньше ходить за ним. Андрей понял, что теперь надо забирать работу самому, иначе весь раунд пройдёт в ожидании чужой ошибки. Он начал передней рукой, менял высоту, добавлял по корпусу, когда Марат слишком охотно поднимал перчатки. Не всё доходило. Несколько раз он ударил по воздуху и получил за это. Но всё чаще именно чемпиону приходилось заканчивать чужое

движение.

Андрей замечал, что Юлдашев после некоторых сближений делает лишний вдох. Не устал окончательно, не развалился — просто тратил. Это было важно. Андрей тоже тратил и хотел знать, что не один.

К концу пятого он сумел провести короткую серию, которую дома Палыч браковал почти каждый раз: передняя в голову, правая в корпус, выход без второго торопливого удара сверху. Здесь не было лапы, которая исчезала по тренерскому желанию. Был живой человек, и он не успел закрыть всё сразу.

Гонг прозвучал на середине ответного движения Марата. Они оба остановились.

На стуле Андрей вдруг понял, что половина боя уже прошла. Эта мысль могла обрадовать или испугать; он не успел решить, потому что Палыч заговорил.

— Не считай. Смотри на него.

— Я не считаю.

— У тебя на лице написано.

Андрей хотел улыбнуться, но Сергей попросил не двигать бровями.

* * *

Шестой оказался длинным.

Юлдашев вышел с большей настойчивостью, словно услы-

шал их разговор и решил доказать, что половина — слишком маленькое слово. Он не бросался, не открывался без нужды. Просто начал отнимать место каждым шагом. Андрей попробовал привычный выход, и Марат встретил его там, где раньше не успевал.

Пришлось отступить к канатам. Андрей повернулся, но поздно. Удар по корпусу прошёл ниже локтя, выбил воздух, и несколько секунд главным стало не ответить, а не выдать, насколько неприятно. Он сжал челюсти вокруг капы, поднял руки, дождался, когда можно вдохнуть без резкой боли.

Юлдашев не подарил ему времени. Андрей вошёл в клинч, удержал расстояние телом, пока рефери не развёл. Шум зала стал плоским и дальним. Он видел только рубец на переносице Марата и тёмный край его левой перчатки.

После разведения Андрей пропустил ещё один передний прямой. Не тяжёлый, но чистый. Ему стало стыдно за собственную медлительность, и от стыда захотелось ударить слишком сильно. Он начал правой, Марат прочитал начало и ушёл.

Палыч крикнул из угла. Андрей услышал своё имя и посмотрел туда на долю секунды, за которую едва не получил снова. Вернулся взглядом к сопернику, заставил ноги двигаться.

До гонга он не выправил раунд. Смог только перестать отдавать его целиком: попал левой, ушёл, ещё раз встретил по корпусу и избежал последней серии. На стул сел тяжело.

— Дыши, — сказал Палыч.

Андрей дышал. Сергей приложил холод к лицу, и этот холод почти рассердил: будто от прикосновения к брови можно было вернуть лёгкость ногам.

— Он тебя назад собрал, — продолжил тренер. — Ты после своей правой уже уходишь, а ещё не закончил. Останься на ногах. Не под канатами, здесь, под собой.

Андрей кивнул. Слова были знакомые, но сейчас требовали работы, чтобы дойти до тела.

— Не надо мне сразу весь бой выигрывать, — сказал Палыч. — Седьмой сделай.

Сергей вернул капу. Андрей встал. Впереди был седьмой, и эту величину ещё можно было удержать.

* * *

В первом сближении он не отдал лишний шаг.

Марат ожидал, что Андрей снова уйдёт длинно, и начал продолжение раньше. Андрей остался ближе, принял часть работы на руки и ответил снизу по корпусу. Попадание не было громким, не подняло зал. Но чемпион выдохнул и на мгновение остановился.

Андрей вышел сбоку.

Ноги не стали свежими. Просто у них появилась понятная работа. Он больше не требовал от них лёгкости первого раунда, ставил ровно настолько далеко, насколько нужно было

для следующего действия. Юлдашев пытался вернуть прежний рисунок. Андрей дважды не позволил, потом ошибся и пропустил в плечо, но не потерял всего движения из-за одного удара.

В середине седьмого у него прошла правая в голову. Марат закрылся, Андрей добавил по корпусу и остановил собственную руку, готовую повторить ещё. Увидел ответ, ушёл. Это маленькое удержание доставило ему больше радости, чем попадание: он всё ещё мог выбирать.

В углу Палыч сказал:

— Есть. Теперь ещё.

Андрей не спросил о счёте. Тренер тоже его не называл. Каждый видел свой бой, а у судей были отдельные места, отдельные углы зрения и цифры, которые пока оставались на бумаге.

Восьмой прошёл неровно. Андрей хорошо начал, несколько раз заставил Марата потянуться, но потом слишком долго задержался рядом с правой рукой чемпиона. Удар прошёл вскользь по щеке. Следом Юлдашев достал в корпус. Андрей ответил, они обменялись короткой серией почти на месте, и рефери шагнул ближе, внимательно следя за руками.

Кровь с брови снова потекла к виску. Андрей чувствовал её, но глаз оставался чистым. Он видел, как Марат тоже устал: плечи поднимались выше, передняя рука иногда возвращалась не сразу. Это не означало, что можно было перестать бояться его удара. Андрей попробовал воспользоваться

ся задержкой и сам не успел выйти. Пришлось расплачиваться попаданием в защиту, которое прошло через руки до головы тяжёлым толчком.

Последнюю половину минуты они работали оба, слишком упрямые, чтобы уступить середину. Андрей попал левой, Марат ответил справа. Андрей вернул по корпусу, услышал гонг и разжал плечи только на пути к углу.

— Два, — сказал Палыч, когда он сел. — Осталось два. Не прячься в них.

Сергей снова занялся бровью. Вода оказалась тёплой. Андрей выпил совсем немного и выплюнул лишнее в подставленную ёмкость. Вся жизнь сейчас состояла из маленьких действий, на каждое из которых кто-то тратил часть общей минуты.

Палыч положил ладони ему на плечи.

— Он левую возвращает дольше. Ты видел?

Андрей кивнул.

— Только не тянись за ней. Пусть сам вернётся.

* * *

В девятом Андрей перестал ждать красивого попадания.

Ему хотелось одного большого удара, который сразу объяснит судейские карточки, зал и собственную усталость. Вместо этого пришлось снова начинать передней рукой, сдвигать чужую защиту, работать по корпусу и выходить. Де-

лать то, что на тренировке казалось подготовкой к главному. Теперь оказалось, что главное и состоит из этого.

Юлдашев дважды попытался остановить его правой. Первый раз Андрей ушёл, второй принял на перчатку и почувствовал тяжесть до локтя. Он не ответил сразу, сохранил расстояние, заставил чемпиона снова переставить ноги. Марат выдохнул сквозь капу, нахмурился. На его лице впервые появилось раздражение.

Андрей узнал его. Так он сам смотрел на Илью, который не хотел становиться удобной копией другого человека.

Он пошёл иначе — не быстро, а с другой задержкой. Показал левую, не закончил, увидел, как Марат начал закрывать привычное место. Правую провёл короче. Попал в открытую сторону лица и успел выйти до ответа.

По залу прокатился крик. Андрей не посмотрел никуда, кроме соперника. Юлдашев остался на ногах, собранный, злой, готовый вернуть. До конца раунда Андрей не дал ему удобного продолжения. Пришлось потратить всё внимание на простые шаги и защиту, но он дошёл до гонга с ощущением, что сделал нужное.

Палыч в углу заговорил сразу:

— Ничего не выдумывай. Последний так же. До конца.

— Он тоже пойдёт.

— Конечно пойдёт. А ты думал, отдаст?

Андрей усмехнулся. Бровь отозвалась болью. Сергей закончил работу и отступил, подавая капу.

Когда Андрей поднялся, Палыч коснулся его затылка. Это было привычное движение перед выходом, но сейчас он задержал ладонь на секунду дольше. Андрей не обернулся.

* * *

Марат начал последний раунд первым.

Он ударил по корпусу, добавил сверху, заставил Андрея отдать середину. Андрей прикрылся, вышел в сторону и встретил следующую попытку передней рукой. Тело просило упростить всё до обмена: стоять и бить, пока не прозвучит конец. Голова знала, сколько в таком упрощении чужой выгоды.

Андрей двигался.

Нелегко. Нога иногда ставилась чуть шире, чем хотелось, и приходилось собирать положение заново. Он слышал собственное дыхание, короткий свист воздуха возле капы, но видел руки Марата. Чемпион пытался отрезать выход и каждый раз платил за лишний шаг.

После одного сближения Андрей попал дважды: передней в голову и правой по корпусу. На выходе всё-таки получил ответ. Удар скользнул по виску, неприятно качнул голову, но расстояние сохранилось. Андрей вернул защиту и заставил себя не ускоряться от злости.

До конца оставалось время. Он не смотрел на часы. По тому, как работал угол, по громкости зала, по собственной

усталости можно было придумать любую цифру; ни одной нельзя было доверять.

Юлдашев пошёл ещё раз. Андрей встретил его, не остановил полностью, и они оказались слишком близко. Плечо к плечу, перчатки между телами, чужое горячее дыхание у уха. Рефери развёл их. Андрей сделал положенный шаг, поднял руки.

Он больше не думал о поясе. Нужно было не подарить этот остаток человеку напротив. Не за деньги, не ради Вики, даже не ради Палыча. Просто они оба всё ещё стояли здесь, и каждый имел право попробовать.

Андрей начал левой. Марат ответил, Андрей убрал голову и увидел свободное место рядом с возвращавшейся перчаткой. Правая пошла коротко, как на тех повторках, где тренер переставал говорить. Попадание отозвалось в руке плотной, ясной отдачей. Юлдашев качнулся, но остался, поднял защиту и попытался вернуть.

Андрей не полез вперёд. Ушёл от продолжения, снова встретил передней и услышал гонг.

Он остановился не сразу телом — сначала руками. Ноги ещё сделали полшага, готовясь к выходу. Марат тоже замер, потом опустил перчатки. Они посмотрели друг на друга с близкого расстояния, оба дышали открытым ртом.

Андрей протянул руку. Юлдашев стукнул по ней своей перчаткой, наклонил голову и пошёл в угол.

Палыч обнял Андрея первым, ещё до объявления. Так крепко, что пришлось упереться ему перчаткой в бок, чтобы вдохнуть.

— Стой, — сказал Андрей сквозь капу.

Сергей помог освободить рот. Тренер отступил и посмотрел на него так, как не смотрел ни после одного спарринга.

— Ты сделал, — сказал он.

— Подожди.

— Сделал, говорю.

Андрей сел на секунду, потом снова встал: сидеть было страшнее. В ринг поднимались люди, ведущий ждал карточки. Сергей вытирал кровь с виска, стараясь не трогать повреждённую кожу лишний раз. Кто-то просил Андрея повернуться к камере. Он не повернулся.

Марат стоял в другом углу. Один из его секундантов говорил быстро, убеждённо; чемпион слушал, глядя вниз. Андрей не мог понять по лицу, что тот думает о результате.

Ведущий получил лист. Рефери позвал обоих в середину, взял за запястья. Андрей почувствовал чужую сухую ладонь на перчатке и вдруг испугался, что всё сейчас уйдёт. Десять раундов можно было сделать своими руками и всё равно ждать, пока другой человек произнесёт число.

Девяносто шесть — девяносто четыре.

Андрей не понял, в чью пользу, пока ведущий не продолжил.

Ещё раз: девяносто шесть — девяносто четыре. Третья карточка — девяносто семь — девяносто три.

Потом прозвучала его фамилия.

Рука поднялась раньше, чем он успел решить, что делать лицом. Зал стал громким, широким, полным людей. Андрей обернулся к Палычу. Тренер стоял, открыв рот, и смеялся. Так Андрей не видел его никогда: без привычного прищура, без попытки спрятать довольство за следующим замечанием.

Пояс принесли с края ринга. Андрей вспомнил мальчишку, которого позвал прийти в зал и посмотреть на настоящую награду. Теперь сам не мог отвести от неё глаз. Блестящая тяжёлая вещь, которую нужно было куда-то приложить к себе. Ему помогли застегнуть, и он опустил взгляд. Собственный живот, мокрая кожа, чужие пальцы, застёжка — всё оказалось очень обычным и от этого почти невероятным.

Юлдашев подошёл, когда Андрей ещё держался за край пояса.

— Хороший бой, — сказал он.

— Спасибо.

Марат кивнул и добавил тише:

— В конце забрал. Молодец.

Андрей хотел ответить что-нибудь достойное, но вместо этого только коснулся его плеча перчаткой. Юлдашев ушёл к своим. За ним сразу потянулись камеры; у проигравшего то-

же было право говорить, и Андрей был рад, что его не оставили стоять одного.

Потом перед ним появилась Вика. Не в ринге — внизу, у ступеней, куда она пробралась между людьми. Синяя рубашка была распахнута у ворота, глаза блестели, и она одновременно смеялась и сердито что-то говорила. Андрей нагнулся через канаты.

— Что?

— Я говорю, ты меня сейчас убил!

— Я выиграл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.